

Е. Н. Пенская^{ab}<https://orcid.org/0000-0003-2469-584X>✉ e.penskaya@gmail.com^a *Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)*^b *Московский физико-технический институт
(Россия, Долгопрудный)*

«ГДЕ МАТ, ТАМ И БЛАТ»: ОБЩЕННАЯ ЛЕКСИКА В ПРАКТИКЕ ПОЭТА ВСЕВОЛОДА НЕКРАСОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА)

Аннотация. Для писателей-нонконформистов лексический субстандарт нередко относят к базовым критериям, по которым интерпретируется языковая реальность, ими создаваемая. Формы обращения к ненормативным пластам языка в андеграундной культуре, неоднородные и включающие совершенно разный набор устойчивых речевых образований, часто претендуют на доминирующую функцию, выступая средством языкового проявления принципиально иного поведения в культуре по отношению к устоявшимся советским нормам, радикально корректируют их. Субстандартная лексика, включенная в ткань поэтического или прозаического нарратива, как правило, маркирована интонационно и подразумевает резкий речевой жест, не нарушающий фактуру языка, а создающий принципиально иное, нередко новое действенное пространство текста. Текст, освоивший субстандарт, обретает перформативное измерение. Он встраивается и в общие практики субстандартного словоупотребления, и одновременно предлагает собственные, авторские. Не претендуя на обобщение, данный материал ориентирован на выявление закономерностей и поиск возможных алгоритмов классификации подобных явлений. Случай Всеволода Некрасова одновременно характерен и уникален. В статье рассматриваются несколько характерных эпизодов использования Некрасовым ненормативной лексики. Они касаются его полемики по отношению к явлениям, претендующим на главную позицию как в официальной, так и в неофициальной культуре. Кроме того, обсуждается его отношение к коллегам по цеху, которые используют ненормативную лексику. Подобные ситуации продуктивны для рассмотрения, поскольку они остро выявляют границы и способы речевой реакции. Исследователям еще предстоит выявить общие закономерности присутствия разновидностей субстандартности в андеграундной культуре, найти методологические ключи к поиску типологизации.

Ключевые слова: Всеволод Некрасов, Евгений Кропивницкий, Эдуард Лимонов, Игорь Холин, Герман Лукомников, андеграунд, полемика, эпистолярный пласт

Благодарности. Работа выполнена при поддержке проекта РНФ № 22-68-00066.

Для цитирования: Пенская Е. Н. «Где мат, там и блат»: obscene лексика в практике поэта Всеволода Некрасова (по материалам архива) // Шаги/Steps. Т. 11. № 1. 2025. С. 344–363.

Поступило 22 марта 2024 г.; принято 22 января 2025 г.

Shagi / Steps. Vol. 11. No. 1. 2025
Articles

E. N. Penskaya^{ab}

<https://orcid.org/0000-0003-2469-584X>

✉ e.penskaya@gmail.com

^a HSE University (Russia, Moscow)

^b Moscow Institute of Physics and Technology
(Russia, Dolgoprudny)

“OBSCENITIES GIVE RISE TO THUGS”: OBSCENE VOCABULARY IN THE PRACTICE OF THE POET VSEVOLOD NEKRASOV (BASED ON ARCHIVE MATERIALS)

Abstract. For nonconformist writers, the lexical substandard is often counted about the basic criteria by which the linguistic reality they create is interpreted. The forms of usage of the non-normative layers of language in an underground culture, which are heterogeneous and include a completely different set of stable speech formations, often claim to be the dominant function, acting as a means of linguistic manifestation of fundamentally different behavior in culture in relation to established Soviet norms and radically correcting them. The sub-standard vocabulary included in the fabric of a poetic or prose narrative is usually marked intonationally and implies a sharp speech gesture that does not violate the texture of the language, but creates a fundamentally different — often new — effective text space. A text that has mastered the substandard acquires a performative dimension. It is integrated into the general practices of sub-standard word usage, and at the same time offers its own, authorial ones. Without claiming to generalize, this material is focused on identifying patterns and searching for possible algorithms for classifying such phenomena. The case of Vsevolod Nekrasov is both characteristic and unique. The article examines several characteristic episodes of Nekrasov's use of profanity. They relate to his polemics in relation to phenomena that claim to be the main position in both official and unofficial culture. In addition, his attitude towards colleagues in the craft who use profanity

is discussed. Considering such situations may prove productive, as they clearly reveal the boundaries and ways of speech reaction. Researchers have yet to identify the general patterns of the presence of varieties of substandardness in underground culture, to find methodological keys to the search for typologies.

Keywords: Vsevolod Nekrasov, Evgeny Kropivnitsky, Eduard Limonov, Igor Kholin, German Lukomnikov, underground, polemic, epistolary layer

To cite this article: Penskaya, E. N. (2025). “Obscenities give rise to thugs”: Obscene vocabulary in the practice of the poet Vsevolod Nekrasov (based on archive materials). *Shagi / Steps*, 11(1), 344–363. (In Russian).

Received March 22, 2024; accepted January 22, 2025

Изучение антиномий стандартного и, наоборот, выразительного в языке имеет давнюю историю, и обозрение всех ее этапов в XX–XXI вв. могло бы стать темой самостоятельного исследования. Очевидно, что в конце 1980-х — начале 1990-х годов обострилось внимание к контroversам лексического субстандарта [Жолковский 1994], разрешенного и табуированного в языке [Левин 1986], а осмысление языкового освобождения коррелировало с пониманием обретенной свободы поведенческой, социальной, бытовой, культурной. В 2000-е появляются энциклопедические своды, сборники, коллективные монографии, словари, свидетельствующие о высоком уровне накопления материала, эмпирического и исследовательского (например: [Плущер–Сарно 2001–2005] и др.). За последнее десятилетие XX в. выпущено немало словарных сводов, в которых зафиксированы разные типы субстандартной лексики, — словари языка представителей различных сообществ, тюремных, региональных, профессиональных субкультур, представителей гендерных и возрастных групп [Козырев, Черняк 2000: 265–274].

Возрастающая притягательность темы в первой трети XXI в. подтверждается широким диапазоном научных работ, посвященных локальным и сквозным сюжетам obscene лексики, рассматриваемой как в синхронической, так и диахронической системе координат. Симптоматичен выпуск в 2021 г. юбилейного, сотого номера журнала «Зборник Матице Српске за славистику», в котором присутствует самостоятельный «научно-матерный кластер». Именно так атрибутируют данный раздел «Verbum Iugo» его составители И. Пильщиков и Д. Иоффе во вступительной статье «Русский мат: вчера, сегодня, завтра» [Пильщиков, Иоффе 2021]. В статье «Русский мат: что мы о нем знаем? (О происхождении и функциях русской obscene идиоматики)» И. Пильщиков выявляет комплексную динамику трансформаций в морфологии, акцентологии, семантике и стилистике, которые повлияли на разного рода модификации obscene лексики, что актуализировало такие механизмы «матообразования», как метафоризация, прономинализация, дисфемизация, эвфемизация и др. [Пильщиков

2021]. Д. Иоффе в статье «К вопросу о перформативной многозначности русского мата» рассматривает многообразие полисемии и перформативность русской обсценной табуированной лексики [Иоффе 2021].

Любопытно, что при всей очевидности ненормативная лексика в литературе второго авангарда пока не получает системного осмысления, хотя «впроброс» обсуждается нередко [Зусева 2012].

Спор с советским официозом в культуре андеграунда проходил в том числе и через активное формирование другой культурной парадигмы [Айзенберг и др. 1998], которая опиралась на трансформацию языка, использование нецензурной лексики и табуированных образов низовой культуры.

При этом многообразие субстандартных языковых пластов, весь гетерогенный языковой континуум (ненормативность, устные формы бытования, отсутствие границ между разными формами, нередко принадлежащими альтернативным речевым регистрам) можно наблюдать в литературной практике андеграунда 1960–1980-х годов. Но данное языковое «меню» и совокупность его характеристик нельзя рассматривать только как противопоставление литературному языку. Скорее обращение практиков андеграунда к субстандарту означает намерение расчистить мертвое пространство языка, пробиться сквозь клише и речевые штампы к живой фактуре речи. Элементы языка, представляющие «стандарт» — «субстандарт», взаимодействуют и могут выступать как нормативные или ненормативные при наличии определенных социальных и психологических условий [Кёстер-Тома 1998]. Для литераторов-нонконформистов субстандарт ни в коей мере нельзя интерпретировать как периферийную языковую реальность. Не являясь однородным и включая самый разный набор устойчивых образований, как это ни парадоксально, андеграундное обращение к ненормативным пластам языка нередко претендует на доминирующую функцию, выступая средством языковой манифестации принципиально другого поведения в культуре, радикально корректирующее традиционное советское. Однако применительно к субстандарту исследователям еще предстоит выявить общие закономерности в этой художественной среде, найти методологические ключи к поиску типологизации. Субстандартный репертуар — мат как один из пластов обсценного языка, просторечия, разговорная лексика — все это так или иначе функционирует в неподцензурной литературе.

* * *

Всеволод Некрасов использует разные элементы речевого субстандарта, стилистические в том числе. Его случай одновременно и характерен, и уникален для неподцензурной культуры. С учетом терминологических различий и смысловых нюансов попробуем наметить и пояснить обращение к разным составляющим речи — субстандарту, ненормативной и обсценной лексике, мату — и таким образом обозначить прагматику конкретных языковых ситуаций. Приведем несколько ярких иллюстраций использования Вс. Некрасовым ненормативной лексики. Они касаются его полемики по отношению к явлениям, претендующим на магистраль-

ную позицию как в официальной, так и в неофициальной культуре. В этом смысле любопытно проследить диффузию эпистолярного и публицистического пластов, перемещение обценной лексики в разные сферы, в словесное пространство тех или иных полемических сюжетов, имеющих устойчивый набор персонажей, причинно-следственных связей, сложившихся в конце 1980-х и повторяющихся в творчестве Некрасова на протяжении почти 30 лет.

Одна из устойчивых и магистральных идей Некрасова связана с концепцией искусства как блата, блатными отношениями в советском и постсоветском искусстве. Блатное искусство, по мысли Некрасова, означает наличие фигур, принимающих решение, допущенных к регулированию процессов в искусстве. Следствием такой структуризации становятся разделение на «своих» и «чужих», распределение мест в иерархии, допуск к изданиям, аудитории, финансовым ресурсам, в конце концов — разрешение быть включенным или отсутствовать в современном искусстве, в его истории. Инфраструктура такого блатного искусства включает и необходимые отрасли, направления в науке, обслуживающей блат. Такую гуманитарную науку, блокирующую информацию, а также легитимирующую механизмы вычеркивания, Некрасов называет «наукой как не знать». Слово *блат* и его вариации — одно из самых частотных в публицистике Некрасова. В статье, посвященной феноменологии блатной культуры, Некрасов формулирует основные ее принципы, вычерчивая словесную физиологию блата, выстраивая типологию того, как делаются «блатные дела» в театре, в искусстве, в литературе, намечая измерители блатной степени: «Театральный блат блатней, театральный кошмар кошмарней, безысходней всякого другого» [Журавлева, Некрасов 1996b: 81]¹. В прозе Некрасова тема «блатных коммуникаций» — ядерный мотив, один из базовых эстетических узлов, существующих в условиях порождения субстандартной лексики. Ее «гнезда» концентрируются в связи с появлением триггеров — тех персонажей и положений, что остались в советском прошлом и к 1990-м годам утратили свои позиции в критике, в журнально-издательской системе (к таким эпизодам, как правило, относится настойчивое возвращение Некрасова к описанию своего взаимодействия с детскими издательствами, с институтом редакторов, упоминание о которых неизменно приводило в действие все ресурсы субстандартной лексики, что обладало чрезвычайно действенным эффектом, снимало временные границы и наглядно убеждало читателя в том, что выставленный счет не имеет срока давности и прошлое не отболело, оно сохраняет сегодняш-

¹ В данной статье ссылки приводятся в основном на совместную книгу Анны Журавлевой и Всеволода Некрасова «Пакет», поскольку в ней впервые представлен корпус материалов, принципиальных для формулировки основных положений эстетики Некрасова. Последующие прижизненные и посмертные издания во многом повторили и подтвердили константы его подходов к искусству, закреплённость языковых особенностей, в том числе относящихся к субстандарту.

При цитировании источников орфография и пунктуация в них сохраняются в соответствии с оригиналом.

ний статус и вполне реально существует в настоящем). Парадоксальным образом вакантное место старых заняли новые лица, воспроизводя давно апробированные методы устройства блатного искусства.

Список триггеров Некрасова хорошо известен. Возбуждение субстандартной речевой реакции, становление словесного сопровождения субстандартным комментарием регулируется обращением к тому или иному «блатному» сюжету, в который Некрасов вовлечен как участник или наблюдатель. Можно предположить, что внимательное обследование таких субстандартных пластов языка способно обнаружить языковые закономерности, предсказуемость которых коррелируется и подтверждается еще и графической, визуальной составляющей. Блатное искусство в содружестве с «наукой как не знать», согласно Некрасову, ожидаемо вырабатывает свой язык — феню. При этом происходит совмещение значений: блат как явление, означающее полезное знакомство или связи, используемые в личных целях, получение благ в обход правил и законов, через «нужных» людей, и *блат* как слово, восходящее к тюремной уголовной («блатной») субкультуре [Некрасов 1996].

Термин в искусствоведении никогда не может быть тем, чем в физике или математике <...> нагромождение наукообразия не то что не помогает — сразу выдает обезьянничанье и просто блат, оно и есть та самая блатная феня. Если употребление термина принимает эпидемический характер (умственная эпидемия — чеховское, кстати, выражение) — пора мыть руки и надевать респиратор [Журавлева, Некрасов 1996а: 165].

И надо наконец назвать вещи своими именами, а не терминами — а то термины звучат как блатная феня для блатных дел. Какой там концептуализм, какой соц-арт, трансавангард, постмодерн и т. п. Так мы бесконечно будем в дураках, а они будут нас одурачивать. Говорить надо об обмане, направленной дезинформации, утайке, подлоге, сговоре в корыстных целях — и т. д. Если терминология, так по существу дела, и ясная. Ведь по сути усилиями теплой компании вопрос давно уже сдвинут из искусствоведческой плоскости попросту в юридическую [Некрасов 1996с: 448].

Как видим, нарратив Некрасова отчетливо напоминает многочисленные описания жизнедеятельности криминальных мафиозных структур. Однотипность методики и словоупотребления, разработка собственных субстандартных клише, переносимых из одного материала в другой вне зависимости от эпистолярных адресатов, мемуарных очерков, репортажей с места событий (конференций, чтений и т. д.), позволяет увидеть константы в авторском субстандартном тезаурусе, обладающем своими контурами, центром и периферией. К центральным звеньям его относятся такие языковые и смысловые конструкции, которые возникают вокруг слов мразь, говно, мерзость. Они, в свою очередь, порождают новые цепочки и структурно организуют речевую ситуацию, объединяя поэтическое и прозаическое высказывание.

Система же не один какой-то главный м е р з а в е ц. Это сумма и произведение подлостей, и подлость общая, интерферирующая и реверберирующая,*** текучая и липучая. И бегать хлопотать по системе, барахтаться и дергаться не только без толку, не только неправильно, но просто вредно. Это значит крепить систему, укреплять подлость в сознании ее возможностей. Вымазаться в ихней липучке, повязаться, обездвигаться и все для того, чтобы тебя м р а з ь вклеила на удобное для нее место [Журавлева, Некрасов 1996b: 87].

При том, что эти стихи — в соавторстве с м р а з ь ю, уж такой жанр — эти стихи мне все важней и дороже, и главная забота — не дать теперь именно их испортить, их подредактировать. Мои рекорды непубликуемости мне дороже многого другого — я еще подумаю, а не обратиться ли мне. Не обратиться ли мне в книгу Гиннеса. И смазывать, затушевывать редкостную ситуацию я не дам — не я ее автор, верней — не я инициатор, но она теперь мое достояние [Некрасов 1996b: 528].

Авось я не последний Некрасов. И вряд ли м р а з ь — последняя м р а з ь. И вот над следующим Некрасовым — как — показывать им, нет свою власть

следующая б л а т, м р а з ь лишний раз
может — может быть — типа —
может быть и подумаете [Там же: 530].

а
ты власть

ать
по лапе

так сказать

и так и сказать

быть
или не быть
мне

нет
м р а з ь

тут вот —
тут вот — не твоя власть

это вам
показалось
[Некрасов 1996d: 541–542]

Далее мы более подробно проиллюстрируем обращение Некрасова к субстандартному речевому репертуару в своих трактовках тех или иных

персонажей, поведение, репутации которых в его картине мира принадлежало к неизменным раздражителям.

Сюжет первый

Восприятие Некрасовым Эдуарда Лимонова, которого в определенном смысле можно считать «законодателем субстандарта», мастером, узаконившим языковые явления вне допустимых поведенческих правил и литературных норм, демонстрирует целый набор субстандартных регистров.

Показательна в данном случае переписка конца 1970-х годов Вс. Н. Некрасова и Н. К. Бокова², фрагмент которой приводим ниже. Публикация романа Э. В. Лимонова «Это я — Эдичка» вызывает «извержение» одновременно и табуированной, и просто грубой лексики, составляя основной сюжет переписки Бокова и Некрасова. Боков просил у Некрасова разрешения напечатать его письма о романе в «Русской мысли». В них Некрасов нападает не только на Лимонова, но и на самого Бокова как публикатора «Эдички». Использовать свои письма Некрасов не разрешил.

Вс. Н. Некрасов — К. Бокову. 1979, не позднее мая

<...>

Ковчег ваш не Британский музей, заведомо поскромней предприятие. Кунсткамер нынче нет, не то время. И так вот прыгать, пытаться изображать то картинную галерею, а то музей криминалистики — по своему хотенью — ясно, что чепуха, Коля. Ну и бардак у вас, ну и говна же... Ладно, это ваши дела, а я вот знаю то, что я знаю, и что знаю, вам сейчас покажу — так говорит Ковчег. Понятно. Это позиция. — Ну и бардак у вас — ну, б[.]ди³, я вам тут еще и не такой бардак покажу... Хера себе. И это тот же Ковчег через один номер. Если это позиция, то перекувырнувшаяся на 480 градусов. Крах той⁴ позиции, Коля. <...> Из музея кунсткамеру — допустим, а из кунсткамеры музей — тут лет, боюсь, двести потребуется, Коля. Либо та позиция, либо эта, но не обе сразу.

<...>

Насчет откровений, явленных на 18 странице, — да этой страницей, этими самыми словами Эдику дурачку все знакомые плешь проедали месяцами, как только узнали про его затею. Потом плюнули, конечно. И когда Эдик прислал сюда письма (а стр. 18 это ведь именно письма⁵), здесь только рты раскрыли.

² Николай Константинович Боков (1945–2019), поэт, прозаик, религиозный мыслитель, издатель альманаха «Ковчег». Письма (машинопись) находятся в архиве Некрасова.

³ В связи с законодательным запретом употребления нецензурной лексики в СМИ редакция заменяет в таких словах один или несколько знаков соответствующим числом точек в квадратных скобках. — *Примеч. ред.*

⁴ Подчеркивания-акценты в тексте письма принадлежат автору.

⁵ На с. 18 № 3 «Ковчега» (1979) в романе «Это я — Эдичка» Лимонов говорит, как ему, русскому поэту, плохо в эмиграции; реальными письмами Э. В. Савенко мы,

Эффект был вполне концептуальный: на голубом глазу человек пытается подносить знакомым как новость их же собственные, знакомых, доводы, которые за года два до того отскакивали от этого человека как от стенки? Вот это да, все сказали. А теперь в Ковчеге та же мимика. Эх... Есть, правда, разница: Эдику говорили вежливо — не будь зае[.]ой, не будь засранцем. Эдик гордо отвечал: нет, буду. Эдик ныне говорит: и вот я есть, но не засранец, а жертва Сахарова, Солженицына и западной пропаганды. Но пусть Эдик это рассказывает в Штатах, Коля. Во всяком случае, уж только не здесь — тем, кто помнит, кто в курсе дела. Никто Эдичку не бил и не гнал — в отличие от иных, Коля, — ехал Эдичка в полном, очевидном и довольно-таки нарочитом обалдении — деточка какой тридцати лет. Ехал не как некоторые, а как король поэтов. Не по неволе какой, за делом ехал — завоевывать мир. И получил всё в точности, по графику, как ему говорили. И принимать теперь Эдичкину историю всерьез может только Эдичка или другие Эдички. И охота же кому-то в эдички, Коля.

Но еще наивней насчет редкой будто бы откровенности. Спустил портки — уже на редкость открылся. К сведению, может быть, кто забыл: в Москве общественная с р а л ь н я не редкость. И доньше. В остальной России тем более. Господа редакторы литературного этого самого — да если бы откровенность и правда бы достигалась так простенько, одним нестеснением, откуда бы литература взялась?

Уж не говоря о том, что Эдичка — это при самом первом и беглом прочтении в глаза бросается — врет нахально, врет наивно и много — с этими откровенными всегда так. Просто врет: врет про 8 тысяч (опять, кстати, чисто экспортный товар, фирма Бериозка — ясно, что 8 тысяч только там скушают, не тут же...). Врет, какой он грузчик гениальный и как его на части рвут, ценят за его рабочую силу. <...> Врет, как это он привычно встречает в Харькове свою бабу с провожатым и всегда бьет. Бьет как хочет. Бьет бабу, бьет провожатого, какой бы он ни был. И избивает, понятно. Есть, правда, еще и братья-боксеры, но они-то как раз и не бьют — они любят. Любят Эдичку и выходят затем, чтобы помирить Эдичку с уже побитой Эдичкиной бабой. А побитый провожатый — тот уже и сам помирился... Это уж товар не знаю на кого — на дальних-дальних потомков...

То есть врет Эдичка действительно откровенно. А что редкость это — ну, не знаю, не знаю... Так что и мимо самого простого-то вранья тут никак не пройдешь, разве что намеренно глаза закрывши — это я насчет откровенности, как Эдички, так и Крона. Но сила-то, конечно, во вранье не простом, а с идеологией — специальным вранье, специальной откровенности. Потому что нигде Эдичка не врет так лихо, как при специальных своих откровенностях, Коля. Для того, понятно, всё и затеяно.

конечно, не располагаем, но легко представить, что по своему содержанию и, может быть, даже текстуально они близки к этому фрагменту романа.

Бедная русская девушка, бедная московская девочка с Фрунзенской набережной. Уж я ли не старался <...> Вообще делал штучки. А эти проклятые, омерзительные и недорезанные раз так моим папой в свое время буржуи просто взяли и испортили русскую девушку, растлили, похитили ее у меня. Да здравствует мировая революция. Что тут сказать, Коля? Разве посочувствовать — далеко же тебе пришлось зайти, чтобы с таким серьезным лицом вдаваться в рассуждения насчет рамок. То есть ясно, что Эдичка из шкуры лезет, идет на рекорд, мечтает раздвигать рамки. <...> Артефакт — у него свои рамки, монстр — у него своя витрина, банка — не знаю. И вообще отдельное помещение. Бывает и монстр артефактом, да только это еще суметь надо. <...>

А что до чувств-с... Конечно, когда кто завопит: «— Ай, ба л я д и, больнааа...» — не захочешь, а обернешься. Да и полагается вроде. А там уже — смотря что увидишь. <...> ори, Эдик, громче, может, какой Ж.-П. Сартр услышит... <...>

Только не считай, что я хочу себя перед Эдичкой похвалить, Коля. Кто плох, кто хорош — один Бог ведает. На самом деле как бы. Я о другом — об идеологии, Коля. Как думаешь, что в мире есть нового? По-моему, то и есть, что все говорят: говорят, что в мире есть нового. А почему раньше не говорили? Как не говорили — говорили, только не так, не было столько техники — язык во рту, вот и всё. Не всякая чушь скорей-скорей тиражировалась и репродуцировалась — и, может, только это и ново. Прежде чем сказать, человек все-таки успевал подумать. А не успевал — не беда: его глупость оставалась его личным делом до поры до времени, не отчуждалась вовне, не оглушала его же, а изживалась помаленечку с течением времени нормальным порядком, мне так кажется. Любая техника мир меняет, естественно, но человека если меняет — то техника информативная. И вот в такую, вряд ли лучшую сторону. А так-то душа человеческая известно, что уж сколько тысяч лет одна и та же... На своем месте в ней грех, на своем месте в ней стыд — и никакая с е к с у ч а я революция на самом деле тут ничего поделать не может до самого конца света — можно только орать, о х [.] е в а т ь, агитировать, пропагандировать, в ы е [.] е н и в а т ь с я, поддавать шуму, раскачивать кораблик и играть на понижение до посинения — т. е. стараться этот самый конец приблизить, надеясь одновременно самому проскочить успеть и сорвать свое. Или чужое. Это пожалуйста, конечно, дело хозяйское. Люди взрослые, сами за себя отвечают.

Уж так устроено. Вот плохо, вот хорошо. Вот заповедь, а вот человек. Попробуй проживи, не нарушь. А нарушил заповедь — грех, стыдно, нехорошо. А человек не любит «нехорошо». Любит «хорошо» и давай вертеться. Грех со стыдом не уживаются, видишь ли, беспокоят. Грех истребить — говорят, только святой может, так не попробовать ли истребить стыд. Истребление стыда-совести при помощи лозунгов ли, рассуждений или так просто и есть идеология, Коля. Она тоже уже сколько тысяч лет одна и та же, а взбесилась, силу забрала хоть той же техникой. Об этом

и речь. «Я освобождаю человечество от унижающей его химеры, называемой совестью...» <...> Эдик Мао какого-то повесил — какой Мао так четко скажет. Честно надо, Шиклишвили либо Джу-гельгубера — ты ему скажи — уж вешать так вешать.

И ваша же с Лимоновым генерация, ваша же манера — крестиками щеголять. От сглазу, что ль? Против серпымолоту? На х[.] же ему крест — вот именно что не на ту головку надел. Опять вранье, вранье и вранье откровенное. Ложь должна быть тотальной. Всё в лучших традициях. Коля, сроду я крестов не носил, а вот это помню: нельзя соблазну не придти в мир, но горе тем, через кого он приходит.

Только чур, Коля. Только не надо загигать такую фигуру, что про горе-де, мол, Эдик и пишет. Про это, мол, самое. Про это поэзия бывает, Коля. Литература. Уж тут, прости меня, профессиональный разговор. Уж тут другим мозги за с и р а й т е. Вот тут — тут-то — самое у вас с ним и вранье, понял? Главное вранье, основное.

Горе. Поэзия. Так. Видел ли когда кто такое вот бесстыжее горе? <...> Насквозь рекламное, визгливое горе. Бывает, на похоронах и вопят, но тут немножко другое. Тут деятельность — горе, которое просто ненавидит молчание, нормальное человеческое молчание, умолчание, помалкивание, и бесится, и суетится, норовя выжить всячески молчание из самых укромных уголков. Ну а поэзию-то без молчания — видели? Без того, что за строчкой, за словом? Х[.] н ю вы видели, простите меня, болтовню и графоманию. И в том-то и дело. Да и горя, значит, вы не видели, дай Бог вам здоровья.

И ни про что ваш Эдикка не врет так, как про собственную свою бессмертную душу. Кстати же о молчании. А Владимир-то Емельянович (Максимов. — *Е. П.*), я смотрю, не такой дурак оказался. Чего ж ему теперь зевать, раз ты ему сам так подставился. Такого козыря дал. Он, надо полагать, теперь весьма тобою доволен. — Видите (говорит В. Е.), теперь-то вы, надеюсь, сами видите, что только молчать об них всех и можно... И оказывается прав таким образом и задним числом, что молчал о №№ 1 и 2, а уж наперед и вовсе во веки веков прав будет... История старая, Коля, и все она та же. Ты социолог и должен знать, до чего подобно могут чувствовать и думать человек и общество. И в ы е [.] о н ы в ы е [.] о н а м и, а от молчаливого-то большинства — того, на которое ссылаетесь вы с Кроном, — ведь никуда не денешься. С виду кажется — все шум, х[.] е т а, а задень-ка его: оно тебе это попомнит. Такое же оно и в Москве, и в Париже, и в собственной этой самой душе. Молчаливое большинство. Это знают и хороший писатель, и неглупый деятель. И ничего так не желает начальник, как заручиться с ним, обществом, связью. И уж удалось если начальству стать на место защитника этих всех сокровенных и интимных наших движений — считай всё. Это место святое, с него не спихнешь. И помогать, подсаживать на это место — об этом-то начальники и мечтают... [Некрасов 2022: 218–221].

Прежде всего очевидно, что этот эпистолярный фрагмент относится к качественной прозе, оценивающей рабочую ситуацию эмигрантской жизни и тамиздатской кухни. Письмо насквозь диалогично, обладает своей драматургией, в которой автор демонстрирует абсолютно свободное владение разными речевыми и интонационными возможностями. Квинтэссенция мата в сочетании с грубостью, просторечием обретает новую валентность яркого речевого жеста, сильной мимики. Вторжение обсценной лексики, мата органично организует всю фактуру высказывания, проявляя незаменимость и точность словоупотребления. Матерное слово «прошивает» все речевые слои, скрепляет их, а «мерцающая» обсценность языка придает физическую силу всему тексту. Николай Боков в беседе с автором данной статьи признавался, что чтение некрасовских инвектив напоминает хождение по минному полю, невротизирует чрезвычайно, а после получения таких писем хотелось спрятаться в каком-нибудь укрытии, потому что «Севино слово прорывало своей энергетикой бумажную страницу».

Закон сохранения речевой и смысловой энергии Некрасова проявляется и в том, как происходит консервация высказывания в одном жанре, а затем благодаря авторской памяти возвращается, порой неожиданно, совершенно в иных исторических обстоятельствах, в других контекстах. О возобновлении лимоновской темы в практике Некрасова — ниже.

Сюжет второй

В «Русском журнале» в начале 2000-х была опубликована статья Вс. Некрасова «Sex = Idee sex» [Некрасов 2001]⁶. Поводом послужили обстоятельства, связанные с Эдуардом Лимоновым. Вс. Некрасов познакомился с Лимоновым в 1974 г. и высказывался о нем, о его публикациях в период эмиграции достаточно жестко. Отношение Некрасова к Лимонову на протяжении всех лет не менялось: он считал Лимонова талантливым поэтом и категорически не принимал его эстетическую позицию, идеологию, политические провокации.

Рассуждения о Лимонове занимают в «Sex = Idee sex» центральную часть. Как известно, Эдуард Лимонов, в то время лидер Национал-большевистской партии (НБП), 8 апреля 2001 г. был арестован в Барнауле и доставлен в московский СИЗО «Лефортово». Его обвиняли в скупке оружия для организации переворота в Восточном Казахстане. Кроме того, было немало других поводов. Он задевал своими выступлениями Дерипаску, Немцова, контактировал с криминальными авторитетами. Лимонов оказался в фокусе внимания прессы, отчасти героизировавшей его политические скандалы. Высказывания Вс. Некрасова на этом фоне от-

⁶ Материал публиковался по просьбе автора данной статьи в сетевом издании «Русский журнал». Сейчас доступно по ссылке (URL: <https://subscribe.ru/archive/russ.analytics/200104/17235417.html?ysclid=m4l4akwugn49400571> 6). Кроме того, материал находится в личном архиве Г. В. Зыковой и Е. Н. Пенской.

личались резким неприятием лимоновского стиля, в том числе бытового, поведенческого. Некрасов кратко описал единственную встречу в мастерской Кабакова с Лимоновым накануне его отъезда из Советского Союза.

Собственно, революционерами называется тип людей, которые, рекламируя свое стремление решать проблемы других, норовят, по сути, навалить на других свои собственные. А то не знал Лимонов Эдичка, сматываясь отсюда, что едет ни на что, на фу-фу... Кругом ему в один голос все только это и долбили. Так же Эдичка ломал комедию незнания, неведения, как и комедию разочарования по приезде на Дикий Запад. «Вините вашу пропаганду — она у вас слишком хорошо работает...» Где, когда, какая пропаганда обещала смывшимся отсюда эдичкам на Западе миллионерское житье? Да, Лимонов уезжал отсюда, имея имя как поэт — такое же примерно, какое имел здесь и еще десяток-другой непечатавшихся. Другой-третий-четвертый... Плюс две тогда — если не ошибаюсь — публикации переводов на немецкий. Что бездарней — эдичкины совоккупления с нью-йоркскими неграми или эдичкины фырканы на щи с мясом по вэлферу? Не клевал эдичек жареный петух. Работала ли советская пропаганда хуже, лучше американской (та работала, а эта трудилась ударно: раз у противника за пропаганду работает простая информация...), но не уверен, чтобы всем поэтам из этих десятков гарантировались тут ежедневные щи с мясом... Не пропаганда — слишком хорошо, выходит, работали программы, работал тот самый вэлфер... Я имел случай в упор наблюдать Эдичку Лимонова с Еленой Щаповой буквально накануне их отъезда — на такое зрелище позвал Кабаков. (С Лимоновым это была единственная личная встреча). И зрелище было не из легких. Разговоры — о захолустности Пицунды, из которой парочка только прибыла, против Ниццы, куда сейчас отбывает с пересадкой в Париже.

Хозяин, по-моему, непрерывно хихикал внутренне. Жена Вика, человек более естественный и неплохой, осторожно пыталась внушать осторожность наводящими вопросами, хоть было ясней ясного, что поезда все ушли и самолет улетает завтра. И я тоже ловил радиоголоса — их все ловили — но ни по какому из них ничего близко похожего на такую клоунаду никогда мне не слышалось.

...Все так и вышло, как по писаному, сотню раз Лимонову сказанному. По расписанному-предначертанному унылому и бездарному графику, сценарию — когда берутся ломать комедии обольщений-разочарований, ослеплений-прозрений и прегрешений-покаяний-беснований-воцерковлений и когда заранее известно, что одно другого стоять будет заведомо. Что одно и другое — просто одно и то же, только заходя по порядку сперва с одной, потом с другой стороны. Прочитав в боковском «Ковчеге», в котором печатал Боков и меня, злосчастного «Эдичку», я написал Бокову, что об этом думаю, и обрисовал все лимоновские перспективы. И в точности. В одном ошибся — думал, пойдет расшибать лоб красоваться Эдичка по глазуновскому вари-

анту. По церковному. Эдичка же пошел и вовсе по советскому.
Велика разница [Некрасов 2001].

Собственно «секс как идея секса» для Некрасова частный случай большой темы — лживой или ложной идеологии, «идеоложества», «сексучей провокации», предательства, потери стыда, сексуальной революции, к которой в том числе причастен и Лимонов. Данная статья, как видим, имеет несколько претекстов, не в последнюю очередь отсылающих к Лимонову, — рукописные наброски Некрасова 1973 или 1974 г.⁷ о моде и культуре, модных идеях, модном поведении, о консерваторах и новаторах, о культурной революции. Сексуальная революция, по Вс. Некрасову, — спутница культурной, ее часть и следствие:

А лет с 25 назад я успел высказаться по данному вопросу.

Понял ты
... ты понял
...
понял
Но и ...-то свой
ты понял
не так
Ты
х [.] е [.] и н⁸
великой
мировой
с и к - с и к - с и к - с и к -
с в а л ь н о й — *
Х [.] е [.] и н
н у и и д и
н а ...
* Вы имеете в виду
« — Р Ъ Г Ъ Р Ъ Г Ъ Э В О Л Ю Ц И И » ? ..
Имейте
в виду

В нескольких экземплярах «37» это было напечатано. В остальных все-таки решили — не стоит [Некрасов 2001].

Формула «сик-сик-сик-сик-...» стихотворения «Понял ты» повторяется и в текстах цикла «Картинки с выставки Глазунова»:

⁷ Личный архив Всеволода Некрасова.

⁸ В данном случае возникает obscene трансформация слова *хунвейбин*.

Или	Или
две линии	
видите ли	
Или мини	Или макси
Все кто	Все кто
секта мини	секта макси

Кто не с нами и не с ними
Против них и против нас

И наши-то советские то есть
Вознесенские
Так и отнеслись
И откликнулись
И воскликнули все

— Сик
сик-сик-сик-сик-сик-сик-сик

Сик
пишется sic
Значит так

сейчас он сик

а через час
как

Или в мире
Все такие
Как в России дураки

Или сики
хиппи
Суки со скуки

(да?

а мы думали —

жили в мире
люди

жили люди
в мире

народились в России

дураки

отвратительные...
[Некрасов 2012: 355]

Как видим, в набросках 1973/1974 г. обсуждается тот же круг тем — блуд, духовность, глупость. Встречаются слова *сиконашеств*о и *сиконашки* применительно к дуракам и моде. Не исключено, что они представляют собой ернические трансформации слов *монашеств*о, *монашки*. В 1978 г. в журнале «37» была опубликована та самая поэтическая подборка Некрасова, к словесным находкам которой Некрасов многократно возвращается. В ней есть нейтральные с точки зрения лексики стихи про Ленинград. Обсценные коннотации оформляются дальше в другой части цикла, в «Картинках с выставки Ильи Глазунова» (финальная строка — «Ну и сукины мы все-таки дети»), в «Возвращении блудливых», в стихотворениях «Людское ли это дело» («суки со скуки»), «Как это / на нашей родине-то» (в центре стиха прорывается мат). Триггером для некрасовской матерщины стали модное в 1970-е православие, обращение интеллигенции к религии, разговоры о святости и духовности, новое славянофильство патриотической литературной критики. Все они в поэтической версии Некрасова — «блудливые сыны» [Некрасов 1978: 68–83]. Словечко *sic* в разном написании — латинском и русском — тоже обретает грубый оттенок, варьируясь и подготавливая читателя к субстандартной речевой ситуации. «Наши Вознесенские», блудливые сыны, пропагандирующие сексуальную раскрепощенность официально «с разрешения», в контексте 2000-х рифмуются с «х[.]е[.]ином» Лимоновым, тоже разрешенным, и более того, в определенных кругах воспринимаемым как *persona grata*, — перекликаются и отражаются друг в друге в «Sex = Idee sex», образуют родственное единство, обнаруживая в записи 2001 г. прозаические и поэтические слои 1970-х. Их связывает и общая мотивация, и единый лексический пласт, прошитый обсценной лексикой.

Наиболее характерный пример обращения к субстандарту в случае Вс. Некрасова — эпистолярный диалог с Н. К. Боковым о самиздатских делах и конкретно о Лимонове, упоминание которого вызывает мат. Матерная ругань в практике Некрасова — естественный сигнал его острого недовольства ситуацией, несогласия; такой радикальный речевой жест маркирует серьезность тона, полемических намерений и является полной противоположностью обращения к нарочитому использованию мата. Автор данной статьи был очевидцем резкой реакции Вс. Некрасова на выступления Германа Лукомникова (Бонифация). Некрасов воспринимал данное выступление Лукомникова как опасную нарочитую провокацию. Речь идет о конференции, посвященной постмодернизму. В ней участвовали и сам Некрасов, и Лукомников, неожиданно вне программы прочитавший со сцены исключительно матерные стихи, что вызвало отторжение Некрасова и охлаждение его отношения к Лукомникову-поэту. Об этом эпизоде сохранилось свидетельство [Лукомников 2022]. У Вс. Некрасова обсценная лексика, грубость никогда не эстетичны, они всегда просты и экономны — два-три слова. Это именно маркировка, а не особый объект внимания в стихе, публицистике. У Лукомникова мат эстетизирован. Даже у Игоря Холина табуированные слова — не просто поэтическая на-

ходка как предмет эстетизации сама по себе, а материал для выстраивания целой социальной философии, логически заостряющей мировоззрение. Примерно так же работает мат и у Е. Л. Кропивницкого.

У Вс. Некрасова есть вообще и «неругательный» мат, как у Маяковского в поэме «Во весь голос» («где б... с хулиганом»), например, в стихотворении, посвященном художнику В. Г. Вейсбергу, — без претензий на эстетство.

вот она
вот она

вот такая
вода

хитрая

что кто глядит
глазом
ее тербит
и тогда вода рябит
начинает
преломлять
выпрямлять
колебать
играть

и так и так
и гладь не гладь
и рябь не рябь
а знаешь
юноши гадают

б [....]
н е б [....]
б [....]
н е б [....]
б [....]
[Некрасов 2002: 27]

Таким образом, табуированный и не только табуированный словарь используется Некрасовым чаще всего при обосновании собственной концепции блатного искусства, становления блатного литературного цеха, специфики сложившихся отношений с коллегами, регламентов, действие которых распространяется не только на российский внутренний рынок, но и европейский, что, по мнению Некрасова, сближает культуру с криминальным бизнесом. Для описания разных эпизодов в этой борьбе со старым и новым официозом, совпадающими по своей природе, Некрасов обращается к субстандартным средствам языка, а данная «сборка» — лишь подходы к капитальной неизученной теме и попытка показать виды субстандартной лексики в практике Некрасова, наметить ее особенности,

типы функциональности применительно к созданию полемической по отношению к сложившимся канонам авторской, субъективной истории литературы и искусства в его советском и постсоветском изводе, трактовкам ключевых фигур и событий в культуре второй половины XX — начала XXI в.

Источники

- Айзенберг и др. 1998 — [Айзенберг М., Арабов Ю., Байтов Н., Гройс Б., Жданов И., Паперный В., Санчук В., Сапгир Г., Седакова О., Файбисович С., Цветков А.] Андеграунд вчера и сегодня // Знамя. 1998. № 6. С. 56–65.
- Журавлева, Некрасов 1996a — Журавлева А., Некрасов Вс. Григорьев и русская литература // Журавлева А., Некрасов Вс. Пакет. М.: Меридиан, 1996. С. 129–161.
- Журавлева, Некрасов 1996b — Журавлева А., Некрасов Вс. В этом разделе... // Журавлева А., Некрасов Вс. Пакет. М.: Меридиан, 1996. С. 71–90.
- Лукомников 2022 — Лукомников Г. «Материк оказался обитаем» // «Живем словом»: Всеволод Некрасов в письмах и воспоминаниях / Сост. и отв. ред. Г. В. Зыкова, Е. Н. Пенская. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2022. С. 429–441.
- Некрасов 1996a — Некрасов Вс. Блат // Журавлева А., Некрасов Вс. Пакет. М.: Меридиан, 1996. С. 574–600.
- Некрасов 1996b — Некрасов Вс. «Еще раньше...» // Журавлева А., Некрасов Вс. Пакет. М.: Меридиан, 1996. С. 527–536.
- Некрасов 1996c — Некрасов Вс. Письма в Германию // Журавлева А., Некрасов Вс. Пакет. М.: Меридиан, 1996. С. 415–463.
- Некрасов 1996d — Некрасов Вс. Стихи // Журавлева А., Некрасов Вс. Пакет. М.: Меридиан, 1996. С. 537–547.
- Некрасов 1978 — *Некрасов Вс. Н.* Ленинградские стихи. Пушкин и Пушкин. Картинки с выставки Ильи Глазунова // 37. № 15. 1978. С. 68–83.
- Некрасов 2002 — *Некрасов Вс.* Живу Вижу. М.: [б. и.], 2002.
- Некрасов 2012 — *Некрасов Вс.* Геркулес. Вологда: [Б-ка Моск. Концептуализма Германа Титова], 2012. (Загл. на обл.: *Некрасов Вс.* Стихи 1956–1983).
- Некрасов 2022 — Переписка Вс. Н. Некрасова и Н. К. Бокова // «Живем словом»: Всеволод Некрасов в письмах и воспоминаниях / Сост. и отв. ред. Г. В. Зыкова, Е. Н. Пенская. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2022. С. 210–236.

Словари

- Плущер-Сарно 2001–2005 — *Плущер-Сарно А. Ю.* Большой словарь мата: [В 2 т.]. М.: Лимбус Пресс. 2001–2005.
- Приёмывшева 2009 — *Приёмывшева М. Н.* Тайные и условные языки в России XIX в.: В 2 ч. СПб.: Нестор-История, 2009.

Литература

- Жолковский 1994 — *Жолковский А. К.* Секс в рамках («Нам, татарам, все равно...») // Новое литературное обозрение. № 6. 1994. С. 15–24.
- Зусева 2012 — *Зусева В.* «Резон материться» (О ненормативной лексике в поэзии) // Арион. 2012. № 4. С. 73–84.

- Иоффе Д. 2021 — *Иоффе Д.* К вопросу о перформативной многозначности русского мата // Сборник Матице српске за славистику. Т. 100. 2021. С. 781–813. https://doi.org/10.18485/ms_zmss.2021.100.44.
- Кёстер-Тома 1993 — *Кёстер-Тома З.* Стандарт, субстандарт, нестандарт // *Russistik*. 1993. № 2. С. 15–31.
- Козырев, Черняк 2000 — *Козырев В. А., Черняк В. Д.* Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000.
- Левин 1986 — *Левин Ю. И.* Об обценных выражениях русского языка // *Russian Linguistics*. Vol. 10. No. 1. 1986. P. 61–72.
- Пильщиков, Иоффе 2021 — *Пильщиков И., Иоффе Д.* Русский мат: вчера, сегодня, завтра // Сборник Матице српске за славистику. Т. 100. 2021. С. 691–707. https://doi.org/10.18485/ms_zmss.2021.100.41.
- Пильщиков 2021 — *Пильщиков И.* Русский мат: что мы о нем знаем? (О происхождении и функциях русской обценной идиоматики) // Сборник Матице српске за славистику. Т. 100. 2021. С. 709–760. https://doi.org/10.18485/ms_zmss.2021.100.42.

References

- Ioffe, D. (2021). K voprosu o performativnoi mnogoznachnosti russkogo mata [Debat-ing Russian obscene performativity and polysemy: The curious case of Russian mat]. *Zbornik Matitse srpske za slavistiku*, 100, 781–813. https://doi.org/10.18485/ms_zmss.2021.100.44. (In Russian).
- Kester-Toma, Z. [= Koester-Toma, S.] (1993). Standart, substandart, nonstandart [Standard, substandard, nonstandard]. *Russistik*, 1993(2), 15–31. (In Russian).
- Kozyrev, V. A., & Cherniak, V. D. (2000). *Vselennaia v alfavitnom poriadke: Ocherki o slovariakh russkogo iazyka* [The universe in alphabetical order: Essays on dictionaries of the Russian language]. Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena. (In Russian).
- Levin, Iu. I. (1986). Ob obstsennykh vyrazheniiakh russkogo iazyka [On the full expressions of the Russian language]. *Russian Linguistics*, 10(1), 61–72. (In Russian).
- Pil'shchikov, I. (2021). Russkii mat: chto my o nem znaem? (O proiskhozhdenii i funktsiakh russkoi obstsennoi idiomatiki) [Russian “mat”: what do we know about it? (On the origin and functions of Russian obscenities)]. *Zbornik Matitse srpske za slavistiku*, 100, 709–760. https://doi.org/10.18485/ms_zmss.2021.100.42. (In Russian).
- Pil'shchikov, I., & Ioffe, D. (2021). Russkii mat: vchera, segodnia, zavtra [Russian “mat”: yesterday, today, and tomorrow]. *Zbornik Matitse srpske za slavistiku*, 100, 691–707. https://doi.org/10.18485/ms_zmss.2021.100.41. (In Russian).
- Zholkovsky, A. K. (1994). Seks v ramkakh (“Nam, tataram, vse ravno...”) [Sex within the framework (“We Tatars don’t care...”)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 6, 15–24. (In Russian).
- Zuseva, V. (2012). “Rezon materit'sia” (O nenormativnoi leksike v poezii) [“Reason to swear” (About profanity in poetry)]. *Arion*, 2012(4), 73–84. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Елена Наумовна Пенская

*доктор филологических наук
профессор, ведущий научный
сотрудник, факультет гуманитарных
наук, Школа филологических наук,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»*

*Россия, 105066, Москва, ул. Старая
Басманная, д. 21/4, корп. А
руководитель научной группы, Центр
междисциплинарных исследований,
Московский физико-технический
институт
Россия, 141701, Московская обл.,
г. Долгопрудный, Институтский пер.,
д. 9*

✉ *e.penskaya@gmail.com*

Information about the author

Elena Naumovna Penskaya

*Dr. Sci. (Philology)
Professor, Leading Researcher, Faculty
of Humanities, School of Philological
Sciences, HSE University
Russia, 105066, Moscow, Staraya
Basmannaya Str., 21/4, A
Head of the Research Group, Center
for Interdisciplinary Research, Moscow
Institute of Physics and Technology
Russia, 141701, Moscow Region,
Dolgoprudny, Institutsky Pereulok, 9
✉ *e.penskaya@gmail.com**